

Дисай не стал оценивать ни Эшли, ни Омманию. Вместо этого он задумчиво посмотрел на пустующий трон божества неподалеку и заговорил:

— Кстати, ведь Бог Всезнания не появлялся уже десять тысяч лет, верно?

Эти слова Дисая отвлекли внимание богов от Эшли и Оммании, и теперь все они невольно устали на место, пустующее уже многие тысячелетия. Все собравшиеся здесь боги существовали с незапамятных времен, и каждый из них, за исключением Эфэйтэ, хоть раз сталкивался со сменой божественной власти. Поэтому некоторые молодые боги даже не подозревали о существовании Бога Всезнания, однако среди присутствующих были и те, кто своими глазами видел падение первого из них.

Например, Аливайя.

Она небрежно поправила прядь своих белых волос, и на лице её отразилась досада:

— С тех пор как она пала, ни один новый бог не принял её власть, и никто не знает, где она теперь. Божественная власть Всезнания так и осталась висеть в пустоте: ни забрать её, ни вернуть обратно.

Аливайя упомянула крайне важную деталь. Если бог падает, его сила по всем правилам должна была вернуться к Эфэйтэ. Однако сейчас сила Всезнания затерялась где-то в небытии, и даже сам Эфэйтэ не мог почувствовать, где она находится. Так эта власть и была утрачена.

— Если бы кто-то завладел этой силой, он должен был бы стать новым богом, но этого не произошло... — Дисай покачал головой.

В этом и заключалась главная трудность. Если бы кто-то из жадности присвоил себе силу Всезнания и возвысился, Эфэйтэ смог бы отобрать её обратно и наказать алчного смельчака. Но проблема была в том, что найти эту силу было невозможно.

— Впрочем, сейчас об этом говорить бессмысленно, — Аливайя резко сменила тему, возвращая всех к насущному. — Давайте лучше решим дела, которые у нас перед глазами.

— Тот человек, о котором шла речь, — это и есть тот самый предсказанный смертный? — подал голос Эфэйтэ, чем вызвал у присутствующих легкое изумление.

— О боги, Эфэйтэ, я думала, ты даже взгляда на неё не бросишь, — Цзикаде перелетел с одного края своего трона на другой и недоверчиво покачал головой.

— Ха-ха, Эфэйтэ просто не верит в пророчества, но это ведь не значит, что ему совсем не любопытно посмотреть на того, кто в них упоминается? — Пусике отпустила шутку, но в следующую секунду, поймав на себе холодный взгляд Эфэйтэ, прикрыла рот рукой и невинно

развела плечами. — Шучу, шучу...

Холодный голос Эфэйтэ разнесся по залу:

— На мой взгляд, она ничем не отличается от обычных людей. В моем сердце — ни единого отклика.

Эфэйтэ действительно видел Эшли, но в его душе не шевельнулось ничего: ни трепета, который возникает при встрече с истинной любовью, ни отвращения, рождаемого ненавистью.

Услышав это, Аливайя поддразнила Цзикаде:

— Видишь? Наш Бог Света — само воплощение ледяного сердца. Твои стрелы любви его даже не пронзают.

Цзикаде немного приуныл, но тут же захотел взять лук и проверить это на деле, однако, стоило ему потянуться за оружием, как он ощутил сковывающую силу и встретился взглядом с тяжелыми бирюзовыми глазами.

Эфэйтэ больше не обращал внимания на выходки Цзикаде и перевел взгляд на Дисая. Тот мгновенно понял, что означает этот немой вопрос. Он выпрямился, и лицо его стало серьезным:

— Мои предсказания никогда не ошибались, вы это знаете.

— Дисай, я не сомневаюсь в твоём даре. Я хочу знать, что ты увидел в грядущем пророчестве.

Дисай замер, удивленный тем, что Эфэйтэ решил спросить его об измененной судьбе. Ведь к нему ежедневно приходят бесчисленные боги, чтобы заглянуть в будущее, но Эфэйтэ — исключение. Он никогда не просил о предсказаниях и не интересовался их результатами. Даже нынешняя история с Эшли была решена остальными богами за его спиной. В конце концов, если Эфэйтэ падет, их собственная божественная власть исчезнет вместе с ним. Эфэйтэ молчаливо принимал их вмешательство, но теперь, когда он сам задал вопрос, Дисай не на шутку встревожился.

Дисай поспешно достал перо, наполнил его божественной силой и вгляделся в видения будущего.

— Бог Света Эфэйтэ полюбит новорожденную дочь Омманию, и смертная Эшли останется в живых.

— Таков результат? — бесстрастно спросил Эфэйтэ.

— Именно так.

— Но я не чувствую ничего и к этой новорожденной дочери.

Как только Эфэйтэ произнес это, всех охватило недоумение. Если Оммания — божество, то между богами должно возникнуть притяжение, независимо от их происхождения, пола, внешности или возраста. Неужели Оммания вовсе не богиня?

— Каждый год на материке отбирают группу Божественных посланников, чтобы они отправились в Наэрмику и помогали нам доносить божественную волю. Не стоит делать поспешных выводов, пока ты сам её не увидишь, — предложила Пусике.

— Делайте что хотите, — отрезал Эфэйтэ.

Будь то будущее до изменений или после — для него самого в этом не было никакой разницы. Он не верил, что смертный может стать причиной его падения, и не верил, что полюбит эту новорожденную. Если бы не настойчивость остальных богов, он бы не позволил Пусике вмешиваться. Жить или умереть, пасть или остаться прежним — для него это ничего не меняло, последствия касались лишь всех остальных.

— Вот такой он, наш Бог Света Эфэйтэ. Существо, сердце которого не может быть потревожено ничем, — закончила Эшли.

Выслушав её, Оммания кивнула:

— Но если он даже не обращает внимания на людей, зачем мы тогда поклоняемся ему?

Эшли запнулась на полушаге. Она судорожно вздохнула, огляделась по сторонам и, убедившись, что их никто не слышит, тихо прошептала:

— Потому что он и есть сам свет, Оммания. Свету не нужно никого одаривать особым вниманием, ведь он с самого начала дал шанс каждому.

А уж выберет человек следовать свету или скроется во тьме — это его собственный выбор.

— И еще, такие вещи говори только дома. Никогда не произноси этого на улице, поняла?

Эшли говорила так не из слепого обожания Эфэйтэ, а потому, что в Тинтии, где Божественные посланники повсюду, за подобные речи можно было легко угодить в суд Тинтии.

Оммания кивнула. Эшли облегченно выдохнула, закрыла глаза и обратилась к статуе с мольбой:

— Прощу, прости этому ребенку её неразумие...

После этого она обняла Омманию и покинула храм божеств в центре Тинтии. Вернувшись домой, Оммания послушно села на стул, наблюдая, как Эшли повязывает фартук, собираясь готовить ужин.

— Мама.

Эшли, занятая нарезкой овощей, вдруг почувствовала, как что-то маленькое тянет её за подол. Она обернулась и увидела, что Оммания уже слезла со стула и подошла к ней.

Эшли заглянула в янтарные глаза девочки, и та произнесла своим тонким детским голоском:

— Мама, за окном какой-то странный человек.

<http://bllate.org/book/18502/1777522>